

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

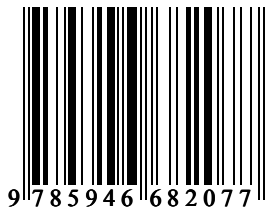
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

А. Л. ОСПОВАТ

ВОКРУГ ДА ОКОЛО ОЖИВШЕЙ СТАТУИ

Из комментария к «Медному всаднику», 3¹

Петербургская легенда о провидческом сновидении *капитана Булгакова / майора Батурина / князя Голицына* продолжает будоражить пишущих о «Медном всаднике». ² Со своей стороны, имея теперь возможность существенно пополнить данные, некогда приводившиеся в нашей заметке, ³ мы намерены заново реконструировать историю этого предания и контексты, окружавшие каждую из его версий.

¹ Предыдущие заметки из этой серии см.: *Varietas et concordia: Essays in Honour of Professor Pekka Pesonen: On the Occasion of His 60th Birthday*. Helsinki, 2007. P. 427–433; На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.; СПб., 2009. С. 496–505.

² См., например: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 69; *Топоров В. Н.* О динамическом контексте «трехмерных» произведений изобразительного искусства (семиотический взгляд): Фальконетовский памятник Петру I // Лотмановский сборник. М., 1995. [Вып.] 1. С. 460, примеч. 35 (иначе расставлены акценты в другой его работе: Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 334, примеч. 34); *Kahn A.* Pushkin's «The Bronze Horseman». London, 1998. P. 113; *Schenker A.* The Bronze Horseman: Falconet's Monument to Peter the Great. New Haven; London, 2003. P. 296, 367 (Note 8); *Бемеа Д.* «Медный всадник»: Петербургский текст и мифопоэтическое мышление Пушкина // Существует ли петербургский текст? СПб., 2005. С. 189 и след.; *Немировский И.* Зачем был написан «Медный всадник» // Новое литературное обозрение. 2014. № 126. С. 211 (ср. нашу реплику — Там же. 2014. № 129. С. 443).

³ См.: *Осповат А. Л.* Вокруг «Медного всадника». 1. Легенда о «сне майора Батурина»: Источниковедческая заметка // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43, № 3. С. 238–242.

Самое раннее из интересующих нас свидетельств сохранилось в дневнике чиновника петербургского губернского правления П. А. Васильчикова, который — в силу происхождения и разветвленных семейных связей⁴ — располагал обширным кругом знакомств и, в частности, был домашним в салоне графа М. Ю. Виельгорского. 17 декабря 1853 г., возвращаясь с «большого именного обеда» у командира Преображенского полка генерал-майора Э. Ф. Баранова, Васильчиков «под вечер, по обыкновению, вернулся к Виельгорским» на Михайловскую площадь. На следующий день он записал в дневник: «Разговор был о сверхъестественных снах и видениях; вообще все семейство Виельгорских склонно к этому предмету...»⁵

Сначала речь зашла о видении, явившемся императрице Елизавете Петровне, а затем о вещем сне 1812 г. Нижеследующий рассказ Виельгорского условимся называть первой версией предания — **В-1**.

Когда Французы были в Москве, устроена была тайная комиссия для переноса и сохранения бумаг и драгоценностей и т. п.: боялись, чтобы французы не вошли в Петербург (Витгенштейн искусным движением спас Петербург от Удино и С<ен> Сира). Так как Наполеон овладел лошадьми Св. Марка (в Венеции) и прочими драгоценностями, то боялись тоже и за памятник П<етру> В<еликому> и думали о средствах его скрыть и перенести. В то время именно доложили один раз А. Н. Голицыну, что отставной капитан Булгаков желает его видеть. Входит старик на деревянной ноге и на костылях и говорит, что видел странный сон и что он просит передать его Государю. Ему снилось, что он шел по Дворцовой площади. Когда он подошел к углу Милльонной, он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню. Он обернулся и увидел за собою памятник П<етра> В<еликого>, идущий за ним; в испуге он снял картуз и посторонился, памятник поглядел на него пристально и проехал мимо. Булгаков, влекомый какой-то неведомой силой, пошел за ним. П<етр> В<еликий>

⁴ Его прадед по отцовской линии — граф Кирилла Разумовский, дядя — князь Илларион Васильчиков, председатель Государственного совета в 1838—1847 гг., отец — Алексей Васильчиков, сенатор (с 1820 г.), действительный тайный советник (с 1834 г.). Дед П. А. Васильчикова по материнской линии — генерал Иван Архаров, московский военный губернатор в 1797 г.

⁵ РГБ, ф. 45, карт. 1, № 2, л. 19 об.

переехал через Троицкий мост и поехал к Каменному острову, где жил тогда И<мператор> перед отъездом в армию. П<етр> В<еликий> подъехал к крыльцу; в это время И<мператор> выходит из дворца в полном мундире и, скрестя руки, подходит к П<етру> В<еликому>, который сказал ему: «Молодой человек, отчего подверг ты Россию таким опасностям. За Петербург бояться нечего; он будет безопасен, пока я буду стоять на том месте, где я теперь нахожусь». Сказав это, П<етр> В<еликий> повернул лошадей и поскакал назад. И<мператор> закричал: «коляску, коляску!», и Булгаков проснулся. Замечательно, что Булгаков не знал и не мог знать про тайную комиссию и особенно про намерение насчет памятника П<етру> В<еликому>. А. Н. Голицын рассказал это Государю, и памятник П<етру> В<еликому> был оставлен в покое как по тяжести переноски, так и потому, что на этот сон смотрели как на предзнаменование, памятника не трогали. А. Н. Голицын рассказал это Мих. Ю. В<иельгорскому>. В<иельгорский> рассказал это Пушкину, на которого этот рассказ сделал большое впечатление и который вследствие оного написал «Медного всадника».⁶

Реальный эпизод, вокруг которого развернут этот сюжет, относится к лету — осени 1812 г. 2 июля, спустя две недели по получении известия о переправе Великой армии через Неман, М. Я. фон Фок, возглавлявший Особенную канцелярию Министерства полиции, сообщил своему патрону А. Д. Балашову: «Говорят, что Наполеон уже прокрикивал, что к 30-му августа будет в Петербурге, что увезет отсюда памятник Великого Петра в Париж, дабы поставить его там же, где находятся шляпа и шпага Фридриха Великого, колесница с Бранденбургских ворот и Львы Венецианские».⁷

Эти слухи получили широкое распространение. 4 июля 1812 г., находясь на пути из Вильно, Александр I послал в столицу реестр «всего того, что надобно будет увезти из Петербурга», в случае «прибытия неприятеля». Наряду с высшими правительственными учреждениями, объектами, представляющими государственную

⁶ Этот фрагмент, впервые опубликованный Л. М. Долотовой (Тургенев о революционном Париже 1848 г.: Из дневниковых записей П. А. Васильчикова, 1853—1854 гг. // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 349—350), мы приводим с дополнениями и исправлениями по автографу: РГБ, ф. 45, карт. 1, № 2, л. 19 об.—20.

⁷ Война 1812 года и русское общество: («Осведомительные письма» тайной полиции) / Публ. С. Н. Искуля // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования. М., 2001. С. 305.

ценность, и религиозными святынями, император в него включил также «обе статуи Петра I, большую и малую, которая перед Михайловским замком», — в том рассуждении, что памятник работы Фальконе «Наполеон <...> намеревается увезти, подобно как он учинил в Венеции <...> и из Берлина». ⁸ Хотя адресатом данного распоряжения был председатель Комитета министров граф Н. И. Салтыков, но ввиду его дряхлости и непривычки высказывать «решительное, собственное мнение» ⁹ значительную часть организационных хлопот взял на себя управляющий делами Комитета министров статс-секретарь П. С. Молчанов, чьи должностные полномочия император существенно расширил еще в марте 1812 г. ¹⁰

В рамках подготовки к столь масштабному предпринятию (тоже немедленно обросшему слухами ¹¹) обсуждался среди прочего про-

⁸ Славянская зоря в 1812 г.: (Из бумаг А. Н. Попова) / Сообщение П. Н. Цурикова // Русская старина. 1893. № 1. С. 98—99. Надо заметить, что какие-либо данные о видах французского императора на памятник Петру I отсутствуют в капитальных изданиях, вышедших к юбилею русской кампании (см.: *Boudon J.-O. Napoléon et la campagne de Russie: 1812. Paris, 2012; Napoléon Bonaparte. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. Paris, 2012. T. 12: La Campagne de Russie, 1812*). Упоминания же об этом намерении в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной (см., например: «...there was even a plan to transport “the bronze horseman”, rather than risk its being carried off as a prize by the invader». — *Palmer A. Napoleon in Russia. London, 1976. P. 96*), несомненно восходят к цитированному фрагменту из письма Александра I, который стал известен в печати по пересказу А. И. Михайловского-Данилевского: «Государь велел Графу Салтыкову принять заблаговременно меры, чтобы вывезть из Петербурга святыню Александро-Невской Лавры, Совет, Синод, Сенат <...> монументы Петра Великого. Оба последние, по достоверным имевшимся у нас известиям, Наполеон хотел отправить в Париж» (*Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года... СПб., 1839. Ч. 1. С. 211*). Здесь уместно напомнить об аналогичной ситуации, возникшей на четверть века ранее. 15 июля 1788 г., при начале войны со Швецией, Екатерина II писала фельдмаршалу графу В. П. Мусину-Пушкину: «...сколько теперь известно, то Король <...> хотел сделать десант на Красной горке, выжечь Кронштадт, идти в Петербург и опрокинуть статую Петра I» (*Отечественные записки. 1822. Ч. 10, № 25. С. 174—175; Дневник А. В. Храповицкого с 18 декабря 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 62*).

⁹ *Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 119*. Напомним, что в 1810—1814 г. Дмитриев был министром юстиции.

¹⁰ См.: *Ермолов А. Комитет министров в царствование императора Александра I. СПб., 1891. С. 11—12*. О возвышении Молчанова, которое повлекло за собой ущемление прав министров, входивших тогда в Комитет, см.: *Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 120—121*.

¹¹ См. в воспоминаниях племянницы Державина, приехавшей в Петербург в середине июля 1812 г. (*Кукушкина Е. Д. «Записки» Прасковии Николаевны Львовой // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 19. С. 267—268*). Ср. письмо москов-

ект спустить на воду и вывезти на судах два монумента Петру I. Судя по недавно обнародованной официальной переписке, с техническими сложностями предстояло столкнуться лишь при спуске памятника, стоящего вблизи Михайловского замка; что же касается памятника, стоящего на Петровской площади, то аналогичная операция не представлялась затруднительной. В ход был пущен и *argumentum ad hominem*: «Знавши хорошо русский народ, смело сказать можно, что с беспримерным сим народом почти невозможные вещи делаются возможными, а потому и нет никакого сомнения, что в случае крайности драгоценнейшие памятники, как говорят русские, *на руках вынесут*».¹²

Дело, как известно, ограничилось выборочной эвакуацией казенного имущества и бумаг,¹³ которая происходила до начала октября, когда ввиду благоприятного развития событий на военном театре опасность захвата Петербурга исчезла. Разумеется, городские толки на этот счет не могли обойти стороной царскосельских воспитанников, «всякое воскресенье» получавших от родных «реляции»,¹⁴ а с середины сентября готовившихся к перемещению из столицы «куда-то дальше на север»,¹⁵ — и еще П. И. Бартнев, один из популяризаторов интересующей нас легенды, высказал напрашивающееся предположение: «Самое то, что статую хотели увозить из Петербурга, могло быть ему [Пушкину] известно и, может быть, даже еще в Лицее, где он чутким отроком следил за событиями 1812 года...»¹⁶

Вполне вероятно, что позднее Пушкин имел случай получить достоверную и более подробную информацию, причем из первых рук. Во второй половине 1820-х гг. он и его ближайшие друзья (Дельвиг, Вяземский) сблизилась с Молчановым, к тому времени отстраненным от службы и ослепшим, но сохранившим прекрасную

ского военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина министру Балашову от 6 августа: «Третьего дня здесь нашло уныние, когда узнали, что в Кабинете, в крепости, в банках и в Эрмитаже укладывают по секрету вещи для отправления в Ярославль...» (*Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). [2-е изд.] М., 2006. С. 82).

¹² Цит. по: *Искюль С. Н.* Год 1812: Документальная хроника. СПб., 2008. С. 123; см. также: *Искюль С. Н.* Петербург, двор и общество в 1812 году // *Звезда*. 2011. № 1. С. 166—167. Даты архивных документов, освещающих планы вывоза обоих памятников Петру I, в этих публикациях опущены.

¹³ См.: *Искюль С. Н.* Год 1812. С. 121—122; *Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях, 1801—1881.* СПб., 2007. С. 85.

¹⁴ *Пушин И. И.* Соч.: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 48.

¹⁵ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813—1824). С. 16—18.

¹⁶ *П. Б.* [*Бартнев П. И.*] «Медный всадник» А. С. Пушкина: Вновь найденные стихи // *Русский архив*. 1881. № 9. С. 239.

память и живость разговора. Один из его рассказов отреферирован в дневниковой записи Вяземского от 23 июня 1830 г.:

Когда дела военные приняли худое направление и боялись в Петербурге пришествия французов, начали укладывать и вывозить казенные сокровища: и памятник Петра Великого был назначен к отправлению в случае неминуемой опасности. Молчанову поручено было государем это отправление и отдана в распоряжение его на тот предмет сумма денег, кажется, 20 000 руб <лей>. Когда Москву освободили и война приняла другой оборот, Молчанов, между другими докладами государю, спросил у него, куда прикажет он обратить вверенную ему сумму, уже ныне не нужную вследствие успехов Кутузова. — «Нет, — прервал государь, — это ничего не значит, оставь их еще у себя: ты не знаешь Кутузова, он такой человек, что думает только о себе: будь ему хорошо, а прочее всё пропадай».¹⁷

Вернемся теперь к **В-1**, где доверенным лицом сновидца (*капитана Булгакова*) оказывается князь А. Н. Голицын, скончавшийся за девять лет до появления дневниковой записи Васильчикова. Наперсник великого князя Александра Павловича, сохранивший и упрочивший свое положение в ближнем кругу императора, он в 1812 г. занимал должность обер-прокурора Св. Синода и временно управлял Министерством народного просвещения. Именно в это время бывой эпикуреец и поклонник «неверственной школы XVIII века» стал благочестивым христианином, который, как считалось, не только споспешествовал оживлению религиозного духа императора, но и заражал его своим мистическим настроением.¹⁸

¹⁷ Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 175–176. (Литературные памятники). Много позднее, оформляя этот рассказ для печати, Вяземский внес некоторые изменения, среди которых нашла себе место акцентированная отсылка к «Медному всаднику»: «Не был забыт и памятник Петра Великого: и он предназначался к упаковке и отправлению в безопасное место водою. И подлинно, слишком было бы грустно старику видеть, как чрез прорубленное им окно влезли в дом его недобрые люди» (Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 1026–1027; Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 120; курсив автора).

¹⁸ См.: Шереметевский В. Голицын, князь Александр Николаевич // Русский биографический словарь: [Из неопубликованных материалов к Русскому биографическому словарю]. М., 1997. [Г.] Гоголь — Гюне. С. 83 и след. Если верить рассказу самого Голицына, уже осенью 1808 г. в Эрфурте Наполеон обратился к нему с вопросом: «N'est ce pas, mon prince, que vous êtes en partie directeur de conscience de Sa Majesté?» <«Не правда ли, князь, что вы некоторым образом духовник его величества?» — фр.> (Норов А. С. Воспоминания // Русский архив. 1881. № 9. С. 179).

В публике, например, толковали о таком эпизоде:

...Когда по занятии Москвы все бывшие при дворе впади в уныние, он один сохранял равнодушие и спокойствие. Это не укрылось от взора императора. Не зная, чему приписать такое расположение духа при общем унынии, он спросил у князя, где он берет такую твердость. Князь вынул из кармана библию и сказал, что в этой книге почерпнул он уверенность в непреходящем спасении России. Александр призадумался.¹⁹

Эту историю Голицын поведал известному квакеру Стивену Греллету,²⁰ который в 1818—1819 гг. побывал в России; вдвоем с князем они молча предавались богомыслию,²¹ а также проводили время в поучительных беседах. Вот краткое резюме интересующего нас фрагмента дневниковой записи Греллета, сделанной 15 марта 1819 г.:

Когда стало известно о том, что Наполеон вошел в Москву, в Петербурге поднялась паника, и многие жители, чувствуя угрозу столице, стали укладывать свои ценности, готовясь перевезти их в безопасное место. В это время Голицын занимался перестройкой своего дворца, и некоторые завистники говорили императору, что он не иначе как изменник. Император приехал к князю: «Голицын, что ты делаешь, что всё это значит? Все готовятся бежать, а ты строишься?» — «О, — сказал князь, — это столь же безопасное место, как и любое другое, куда бы я мог бежать. Господь мой защитник, на него уповаю». — «Откуда у тебя такая уверенность, кто тебе внушил ее?» — «Я чувствую это сердцем, и о том же говорит боговдохновенная книга [Divine inspired volume]». С этими словами он подал императору Библию, но по неосторожности она упала на пол в раскрытом виде. «Разрешите мне прочесть, — сказал князь, — то место, которое открыто перед нами». Это был псалом 91 (псалом 90 по православному счету: «Живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой, и уповаю на него...». — А. О.). Слушая псалом, император пришел в изумление.²²

¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 362—363.

²⁰ Это имя взял Этьен де Грелле дю Мобийе (Étienne de Grellet du Mabilier), в 1792 г. бежавший в Америку из Франции.

²¹ «...We were brought, in a simultaneous manner, into a state of silent prostration before the Lord» (Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet / Ed. by B. Seebohm. Philadelphia, 1860. Vol. 1. P. 389; запись от 19 ноября 1818 г.).

²² Ibid. P. 419—420. Ср.: Записки квакера о пребывании в России // Русская старина. 1874. № 1. С. 22.

Описанный здесь модус поведения Голицына находит подтверждение в письме архимандрита Филарета, на ту пору ректора Санкт-Петербургской духовной академии, от 2 декабря 1812 г.: «Среди общего беспокойства один человек удивил меня своим великодушием. Тогда как многие оставляли свои дома, князь Александр Николаевич устроил в своем доме церковь. Она освящена мною в *первый день октября* в присутствии Св. Синода и блистательного собрания дворянства».²³

По всей вероятности, о своей особой роли в событиях лета — осени 1812 г. Голицын вспоминал часто и со вкусом, особенно имея таких благодарных слушателей, как отсутствовавший в то время в Петербурге граф Виельгорский,²⁴ которого отличал едва ли не профессиональный интерес к сфере потустороннего.²⁵ Их беседа, записанная в дневнике Васильчикова, могла состояться и во второй половине 1810-х гг., в период расцвета русского масонства,²⁶ и позднее — уже в николаевское царствование.

Но между тем достоверность **В-1** вызывает самое серьезное сомнение. Во-первых, в обширном и довольно хорошо обследованном фонде первоисточников по истории 1812 г., как и в собрании документальных материалов, связанных с именем князя Голицына,²⁷ не обнаружено никаких следов истории о провидческом сне, где бы фигурировал оживший памятник Петру I; ни одного ее отголоска мы не находим и в россыпи петербургской анекдотики 1810—1830-х гг. Во-вторых, **В-1** отчетливо отзывается литературными

²³ Письма Митрополита Московского Филарета родным: от 1800-го до 1866-го года. М., 1882. С. 165; курсив наш. — А. О.

²⁴ См.: Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов. М., 1999. С. 20—22.

²⁵ Приведенное выше свидетельство Васильчикова — лишь одно из многих. См. среди прочего письмо С. Н. Карамзиной брату Андрею от 18 июня 1837 г. (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 217, 321), а также характеристику Виельгорского в посвященном его памяти стихотворении Вяземского «Поминки» («Когда, в час сумерек, перечислять мы станем...»): «Был мистик, теозоф, пожалуй, чернокнижник...» (Русский архив. 1877. № 4. С. 543; Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 12. С. 537).

²⁶ Именно тогда Александр I начал оказывать протекцию русскому масонству, одним из руководителей которого был Виельгорский, и Голицын, в 1817 г. занявший должность министра духовных дел и народного просвещения, стал проводником новой политики (см.: Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 132—133).

²⁷ Новейший их перечень см.: Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи, 1802—1917: Биобиблиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002. С. 187.

впечатлениями: визит отставного капитана на «деревянной ноге» к вельможе отсылает к «Повести о капитане Копейкине»,²⁸ а описание его встречи с Фальконетовым монументом покрыто отблесками «Медного всадника» («...он услышал за собою странный шум, как мерные удары большого молота по камню»), включая буквальное цитирование:

...в испуге он снял картуз и посто-
ронился...

Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой... (V, 148–149)

В-третьих же, как мы убедимся далее, другая запись рассказа Виельгорского имеет существенные отличия (в том числе и в части, касающейся Пушкина).

В то же время мы не склонны полагать, что хозяин салона на Михайловской площади, обладавший исключительной эрудицией и замечательной памятью (оттенявшейся, впрочем, «рассеянностью баснословной»²⁹), полностью измыслил эту историю. Скорее всего, сознание Виельгорского, чутко настроенного на мистическую волну, вольно или невольно трансформировало некий рассказ князя Голицына — под очевидным влиянием и того культа Петра I, который превратил воздвигнутый ему памятник в «субститут чудотворной иконы»,³⁰ и собственно «петербургской повести», прочтенной как рефлекс популярного мифа об ожившей статуе,³¹ и новеллы цесаревича Павла Петровича о встрече с призраком Петра I, незадолго до того увидевшей свет в корпусе мемуаров баронессы Г.-Л. Оберкирх.

²⁸ Один из первых слушателей «Мертвых душ», Виельгорский в начале 1842 г. содействовал прохождению рукописи первого тома через цензуру (см.: Манн Ю. В. В поисках живой души. «Мертвые души»: Писатель — критика — читатель. М., 1984. С. 118–120).

²⁹ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 437; ср. воспоминания С. М. Соллогуб, дочери Виельгорского (Лямина Е. Э., Самовер Н. В. «Бедный Жозеф». С. 58).

³⁰ Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVIII–XIX вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 228–230.

³¹ Неполный список англоязычных работ на эту тему см.: Meyer P. How The Bronze Horseman Was Made // Two Hundred Years of Pushkin. Amsterdam; New York, 2003. Vol. 2: Alexander Pushkin: Myth and Monument. P. 175, note 40. Ее русский контекст очерчен в статье: Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 4–5. М.; Л., 1939. С. 109–112.

Однажды ночью к его прогулке по Петербургу присоединился странный незнакомец, печатавший шаг так громко, как будто камень ударялся о камень. Заговорив с Павлом, тот предрек ему недолгую жизнь и посоветовал праведно провести остаток своих дней. Дойдя до площади между мостом через Неву и Сенатом, они расстались, но напоследок незнакомец обещал, что Павел снова увидит его «здесь и в других местах тоже». Тут произошло узнавание: «передо мной был мой предок Петр Великий с его орлиным взором, обветренным лицом и суровой улыбкой. Прежде чем я успел прийти в себя от удивления и ужаса, он исчез». «Именно на этой площади, — прибавил Павел, — императрица воздвигает тот знаменитый памятник, которым вскоре будет восхищаться вся Европа; царь Петр представлен здесь верхом на коне. <...> Не я указывал матери на это место, выбранное или скорее предугаданное призраком; и признаюсь, я не умею описать свое чувство при виде этой статуи. *Я страшусь испытать страх [J'ai peur d'avoir peur]...*»³²

Через полгода после визита Васильчикова к Виельгорским, 25 июня 1854 г., В. А. Муханов с обычным усердием занес в свой дневник рассказ, который обозначим как вторую версию предания — **В-2**.

Было время, что Государь Александр Павлович очень опасался за Петербург, и, конечно, опасения его были не без основания; если бы не Витгенштейн, то северная столица не миновала бы рук неприятеля. По Высочайшему повелению составлен был комитет, председательствуемый кн. Александром Николаевичем Голицыным. Членам вменялось в обязанность означить, именно какие драгоценности следовало сокрыть от неприятеля в надежном месте в самом Петербурге или вывести оттуда. Знали, что Наполеон из многих столиц увозил картины, статуи и даже памятники, воздвигнутые на площадях, и потому положили, что надлежало предпринять что-нибудь на счет монумента Петра Великого: велели приготовить судно, на котором Всадник со скалою решили увезти из столицы. Однажды после заседания, в котором было при<н>ято решение

³² Mémoires de la baronne d'Oberkirch / Publiés par le comte de Montbrison, son petit-fils. Paris, 1853. Т. 1. Р. 357–361 (записано в Брюсселе 10 июля 1782 г.). Этому изданию предшествовал английский перевод (Memoires of the Baroness d'Oberkirch, Countess de Montbrison / Written by Herself and Edited by Her Grandson, the Count de Montbrison. London, 1852. Vol. 1–3), по которому, в свою очередь, был осуществлен первый русский перевод данного фрагмента (Русский архив. 1869. № 3. Стб. 517–526). См. также: Шильдер Н. К. Император Павел I: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 166–171.

о перевозе памятника, пришли сказать председателю Комитета, что к нему явился человек пожилых лет и желает непременно его видеть. Всем известно, как был доступен князь. Вот что объявил гость: «Я осмелился утрудить В<аше> С<иятельство>, полагая необходимым довести до Вашего сведения виденный мною сон. Мне снилось, что я иду по Миллионной с одного края улицы, когда вдруг с другой в ту же улицу въезжало что-то особенно громадное: то был памятник Петра; на встречу к нему шел император Александр, который, поравнявшись с великим предком, остановился, сложил крестообразно руки и преклонил голову. Петр приостановил коня и обратясь к Александру, сказал: молодой человек! неопытность твоя привела народ твой на край пропасти, но не страшись: пока я стою в граде сем, не вступит в него нога врага!» — Потом Петр пустил коня в галоп, скрылся в темнеющем вечере, и скоро затих шум от копыт лошади по мостовой.³³

Итак, очередной извод предания, циркулировавшего в начале 1850-х гг., вообще освобожден от пушкинского «довеска». Впрочем, в тот момент, когда записывается **В-2**, именно основной сюжет выдвинулся на первый план. 14 июня 1854 г., в ходе Крымской войны, английская эскадра появилась у Красной горки в виду Кронштадта,³⁴ и тем самым был сообщен новый мощный импульс уже упомянутой традиции религиозного почитания Петра I и Фалькнетова монумента.³⁵

2

В печатный обиход это предание было введено критиком и педагогом А. П. Милюковым на рубеже 1860—1870-х гг. (спустя более десяти лет по смерти графа Виельгорского). Версию, оформившуюся под пером Милюкова (**В-3**), мы изложим по его книге «Доброе старое время: очерки былого» (СПб., 1872. С. 224—231), отмечая некоторые расхождения с текстом очерка «Откуда Пушкин взял

³³ ОПИ ГИМ, ф. 117, оп. 1, ед. хр. 160, л. 3—4 об. Указанием на этот источник мы обязаны М. Б. Велижеву.

³⁴ См.: Зайончковский А. М. Восточная война, 1853—1856. [2-е изд.] СПб., 2002. Т. 2, ч. 2. С. 507; ср.: Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. — Дневник / Пер. Е. В. Герье; Вступ. ст. и примеч. С. В. Бахрушина. [М.], 1928. С. 143.

³⁵ Продитированная запись в дневнике Муханова сделана в Москве, но имя своего информатора он не называет. По-видимому, его знакомство с этой легендой произошло в тех аристократических кругах, чьи представители жили на обе столицы. В порядке предположения укажем на один из самых влиятельных московских салонов, который держала А. И. Васильчикова, мать П. А. Васильчикова.

сюжет «Медного всадника», который он ранее опубликовал в газете «Сын отечества» (1869. № 29 [отдельная нумерация воскресных выпусков]. 20 июля. С. 408—409).

По словам автора, дело происходило «лет через пятнадцать после того», как он обучался в 1-й московской гимназии, т. е. в конце 1840-х гг.

...в Петербурге мне случилось услышать <...> рассказ о том, что подало Пушкину мысль написать «Медного всадника». Я был на экзамене в одном женском заведении, которым в то время заведовал граф Михаил Юрьевич Вьельгорский.³⁶ <...> Граф передал мне рассказ, который я приведу как можно точнее. <...> В 1812 году, когда Наполеон шел к Москве, французский корпус маршала Удино движением на Полоцк породил опасение за Петербург. В столице поднялась тревога <...>. Зная между прочим, что Наполеон любил вывозить из столиц памятники, снял квадригу с собора св. Марка <...>, у нас стали опасаться, как бы он не увез в Париж монумент Петра Великого.

Кто-то предложил, в случае серьезной опасности, снять фальконетовскую статую с пьедестала, поставить на судно и отправить по Неве и Ладожскому каналу в одну из отдаленных губерний. Государь одобрил эту мысль. Барка для перевозки памятника была приготовлена и стояла у набережной, подле старого Исакиевского моста. Ждали только приказа погрузить статую.

Император Александр жил тогда в Елагинском <sic!> дворце <...>. Туда же ездил, а в хорошую погоду ходил пешком бывший в то время министром духовных дел князь Александр Николаевич Голицын. После одной из таких прогулок во дворец он видел сон, который имел влияние на тогдашнее положение дел в столице, а впоследствии и на нашу поэзию. Вот как, по словам графа Вьельгорского, рассказывал об этом князь.

«В разгар отечественной войны, во время тревоги, которая поднялась в Петербурге при движении французов на север, мне приснилось однажды, будто я иду с докладом к государю на Елагин остров по Большой Миллионной, в направлении от Зимнего дворца. <...> Вдруг позади меня, как будто на Адмиралтейской площади, раздался гул, точно отдаленный топот лошади. <...> Гул между тем с каждой минутой приближался, становился громче и от-

³⁶ С 1844 г. Милюков преподавал в женском Сиротском институте для обер-офицерских детей, находившемся под эгидой Санкт-Петербургского воспитательного дома, почетным опекуном которого долгие годы состоял Вьельгорский.

четливее и отзывался как удары о камень нескольких огромных молотов. <...> Тут я обернулся и оцепенел в удивлении. В нескольких саженьях от меня, при сумрачном свете раннего утра, скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясающем всю окрестность топотом своих тяжелых копыт. <...> То был наш бронзовый Петр на своем бронзовом коне. <...> И вот он проскакал по аллеям Каменного острова и спустился на Елагин, прямо к дворцу, в котором жил император Александр Павлович. <...> Едва только бронзовый конь остановился, как двери во дворце распахнулись, и император Александр <...> начал спускаться по ступеням к своему чудесному гостю. <...> Петр Великий бросил на него быстрый и строгий взгляд.

— Ты соболезнуешь о России!³⁷ <...> Не опасайся! <...> пока я стою на гранитной скале перед Невою, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня — ни один враг ко мне не прикоснется.

<...> Медный всадник повернул своего исполинского коня и поскакал назад с величественно поднятым челом и рукой, простертой в воздухе...³⁸ <...>. Я проснулся».

Граф Вьельгорский прибавил, что князь Голицын на ближайшем докладе у государя рассказал ему свой чудесный сон. Рассказ этот так подействовал на императора, что он приказал отменить все распоряжения к отправке из Петербурга монумента Петра Великого <...>. Когда впоследствии пересказали этот сон Пушкину, он пришел в восторг и долго повторял: какая поэзия! какая поэзия! Он признавался графу Вьельгорскому, что тогда же начал обдумывать содержание своего «Медного всадника», и хотя потом дал поэме другую идею и обставил иными подробностями, но при всем том видно, что интересный сон князя Голицына послужил главным основанием повести.³⁹

Если довериться воспоминаниям Милюкова и принять сообщенную им условную дату,⁴⁰ то следует признать, что **В-3** хронологи-

³⁷ В газетном тексте: «Ты страдаешь за Россию».

³⁸ В газетном тексте: «Всадник повернул бронзового коня и поскакал назад с тем же гулом тяжелого топота».

³⁹ В газетном тексте: «...но при всем том нельзя не видеть, что поэтический сон князя Александра Николаевича Голицына имел на нее значительное влияние».

⁴⁰ Хотя, вообще говоря, Милюкова нельзя считать надежным мемуаристом (в связи с нашей темой см.: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 54–55).

гически предшествует **В-1**, столь же явственно окликает «Медный всадник» в описании ночного видения,⁴¹ но дает разночтения в двух пунктах сюжетной конструкции. В первой части **В-3** отсутствует фигура «капитана Булгакова», что, по-видимому, диктуется установкой на более компактное изложение: известный визионер князь Голицын не нуждается в безвестном дублере. В последней же части иначе выглядит роль Виельгорского — не сам он информирует Пушкина о сновидении 1812 г., но лишь передает слова поэта о том впечатлении, которое произвела на него эта история.

Таким образом, сравнение двух записей, передающих рассказ Виельгорского, может свидетельствовать о том, что он испытывал колебания, определяя свой вклад в формирование замысла «петербургской повести»; зона его ответственности расширена только в более поздней **В-1**.

В 1874 г. М. И. Семевский (подписавшись, как он часто делал, инициалом «М.») предал тиснению новую версию легенды (**В-4**):

В 1812 году, во время нашествия французов, из Петербурга вывозились многие драгоценные предметы, архивы, библиотеки, собрания редкостей и проч. <...> Заботиться об этом поручено было кн. А. Н. Голицыну, который предполагал вывезти из столицы даже конную статую Петра I — знаменитое произведение Фальконета. Между приготовлениями к этому раз является к кн. Голицыну почт-директор Булгаков и рассказывает сон, пригрезившийся ему прошлой ночью. Булгакову снилось, что он, пройдя мимо памятника, вдруг услышал за собою страшный топот коня; обернувшись, увидел он бронзового Петра, скачущего на коне своем; <...> на Каменном острове Петр, встретив императора Александра, остановил его и сказал:

— Бедствие великое грозит тебе; но не бойся за Петербург: я храню его, и доколе я здесь — мой город безопасен.

По выслушании Булгакова кн. Голицын не мог освободиться от веры в это сновидение, и хотя несколько раз возобновлял заботы о вывозе памятника из Петербурга, но никак не мог приступить к этому, боясь лишить столицу ее хранителя. <...>. Случай этот подал Пушкину мысль написать поэму «Медный всадник».⁴²

Реанимируя трехчленную схему (сновидец — Голицын — император), публикатор **В-4** не упоминает ни имени Виельгорского,

⁴¹ Ср.: «...скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясающем всю окрестность топотом своих тяжелых копыт».

⁴² Русская старина. 1874. № 8. С. 786.

ни **В-3**. Здесь любопытно только то, что замена капитана «на деревянной ноге» реальным лицом, носившим ту же фамилию, преследует цель усилить вероподобие сцены визита к министру: Константин Булгаков, с 1820 г. и до смерти (в 1835 г.) бывший петербургским почт-директором, служил под началом князя Голицына (с 1819 г. главноначальствующим над Почтовым департаментом) и находился в центре столичных коммуникаций — «по связям своим со всеми, он и сам был связью всех». ⁴³ Другое дело, что в 1812 г. Константин Булгаков не в столице обретался, а управлял дипломатической канцелярией Молдавской армии, но спустя шестьдесят лет об этом почти никто не помнил.

Разве что Вяземский помнил. В его бумагах сохранились замечания на **В-4**, продиктованные им в августе 1874 г. в Гомбурге: «Это не имеет никакого ни основания, ни правдоподобия. Довольно доказать это тем, что Конст<антин> Яков<левич> Булгаков не был в 1812 г. почт-директором в Петербурге. <...> К тому же известно, из рассказов Молчанова (“Русск<ий> арх<ив>” <>⁴⁴), что ему, а не князю Голицыну было поручено в случае надобности вывезти памятник Петра Великого из Петербурга». ⁴⁵

Свидетельство престарелого князя, которое одновременно дезавуирует фактическую основу всех изводов предания о свидении 1812 г., по всей вероятности, не дошло до П. И. Бартенева, корреспондента и публикатора Вяземского. Об этом следует упомянуть хотя бы потому, что в 1877 г. Бартнев поместил в своем журнале еще одну версию (**В-5**), где, в свою очередь, обошел молчанием **В-3** и **В-4**:

Мысль о *Медном всаднике* пришла Пушкину вследствие следующего рассказа, который был ему передан известным графом М. Ю. Вельегорским. В 1812 году, когда опасность вторжения грозила и Петербургу, государь Александр Павлович предположил увезти статую Петра Великого, и на этот предмет статс-секретарю Молчанову было отпущено несколько тысяч р<ублей>. В приемную к кн. А. Н. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то майор Батурич. Он добился свидания с князем (другом царевым) и передал ему, что его, Батурина, преследует один и тот

⁴³ Из письма Вяземского Александру Тургеневу от 25 октября 1835 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 274).

⁴⁴ Оставлено место для ссылки на публикацию из Записной книжки Вяземского (см. выше и примеч. 17).

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1047, л. 8—8 об.; Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43, № 3. С. 241.

же сон. Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется к Каменному острову, где жил тогда Александр Павлович. Батулин, влекомый какою-то чудною силою, несется за ним и слышит топот меди по мостовой. Всадник въезжает на двор Каменноостровского дворца, из которого выходит к нему на встречу задумчивый и озабоченный государь. «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию? <...> Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!» Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье. Пораженный рассказом Батурина, князь Голицын, сам сновидец, передает сновидение государю, и в то время, как многие государственные сокровища и учреждения переносятся во внутрь России, статуя Петра Великого оставлена в покое. — Судя по этому рассказу (который случилось нам слышать от современников, и в их числе от С. А. Соболевского), надо думать, что первоначальными звуками чудесной поэмы, родившимися в голове Пушкина, были стихи:

Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...⁴⁶

Прежде всего бросается в глаза, что **В-5** заимствует целые риторические конструкции из **В-1** — фрагмента из неопубликованного дневника Васильчикова:

...влекомый какой-то неведомой силой...	...влекомый какою-то чудною силою...
«Молодой человек, отчего ты под- верг Россию таким опасностям»	«Молодой человек, до чего ты до- вел мою Россию?»

Такого рода совпадения могут быть объяснены только тем, что Васильчиков, приятель Бартенева со времен совместной учебы на словесном отделении Московского университета,⁴⁷ показал ему дневниковую запись от 18 декабря 1853 г. Не раскрывая источник полученных сведений, Бартнев вносит в эту запись ряд уточнений: в **В-5** отставному капитану возвращена нога, присвоены очередной

⁴⁶ Русский архив. 1877. № 8. С. 424–425.

⁴⁷ См., среди прочего: Московские ведомости. 1855. № 115. 20 сент. (некролог А. И. Васильчиковой, написанный Бартневым); Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1909. № 6. С. 298.

чин и заодно фамилия *Батурин* (во избежание ассоциаций с петербургским почт-директором; см. выше); князь Голицын живо реагирует на сон Батурина оттого, что сам «масон», «духовидец» и «сновидец»; «комиссией» по вывозу ценностей управляет «статс-секретарь» Молчанов, и, наконец, первобытный вид возвращен одной из парафраз «Медного всадника» в тексте **В-1**:

...странный шум, как мерные удары ...и снова раздается *тяжело-звонкое скаканье*.
большого молота по камню...

Укажем и на весьма показательную деталь: из **В-5** с очевидностью следует, что этот рассказ сам Бартенев не слышал от того, кто объявлен (без каких-либо пояснений) его автором — от графа Вильегорского, контакт с которым будущий издатель «Русского архива» установил еще в начале 1850-х гг.⁴⁸ Упомянутый же им С. А. Соболевский лишь пополняет ряд трансляторов легенды о сне майора Батурина.

Здесь можно подвести черту. В дальнейшем новые версии уже не встречаются, зато множатся пересказы уже известных — не всегда снабженные указанием на источник,⁴⁹ порой их контаминирующие,⁵⁰ а в иных случаях даже намеренно фольклоризованные:

Это было давно... в 1812 году... Над Россией собирались грозные тучи... <...> ...не было сомнения, что, если войска Наполеона возьмут Петербург, Наполеон прикажет увезти медного Пет-

⁴⁸ В нашем контексте весьма показательно письмо Бартенева П. В. Нащокину от 23 ноября 1851 г.: «Вельегорский просит доставить *исторические сведения* о Евг. Онегине. Сколько могу догадываться, он хочет узнать, не слышали ли Вы чего от Пушкина о Евг. Онегине, не помните ли каких обстоятельств, сопровождавших сочинение или печатанье этого великолепного произведения?» (Из пушкинианы П. И. Бартенева / Публ. и коммент. М. А. Цявловского // *Летописи Гос. литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 491*; курсив автора письма).

⁴⁹ Скажем, Н. О. Лернер как новость излагает **В-3**, причем на страницах того же издания, где была обнародована **В-4** (см.: *Лернер Н. О. Заметки о Пушкине. IV. Из истории «Медного всадника» // Русская старина. 1908. № 1. С. 117*). Примечательно, что через несколько лет, комментируя «петербургскую повесть» для издания в серии «Библиотека великих писателей», Лернер дает точную ссылку на **В-3** и **В-5**, не упоминая о собственной заметке (как и о **В-4**). См.: *Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Пг., 1915. Т. 6. С. 450*.

⁵⁰ Так, в монографии Вацлава Ледницкого ссылка на рассказ Соболевского, появившаяся в **В-5**, отнесена к **В-3** (см.: *Lednicki W. Pushkin's Bronze Horseman: The Story of a Masterpiece. Berkeley; Los Angeles, 1955. P. 23*).

ра в свой дорогой, в свой любимый Париж, как он поступил с конями св. Марка в Венеции. <...> Но как вывезти такую громаду, такую тяжесть? <...> А в это время русский полководец граф Витгенштейн разбил маршала Удино под Полоцком. <...>. Гроза нашествия французов на Петербург отпала <...>. И создалась легенда... Где-то на окраине Петербурга, в далекой Коломне, на Бугорке, в Козьем болоте, жил отставной майор Бахметев... И снится ему несколько дней подряд один и тот же сон.⁵¹

Итак, все данные, которыми мы на сегодняшний день располагаем, еще раз убеждают в том, что легенда о сневидении 1812 г., привидевшемся как неизвестным, так и известным лицам, возникает около середины XIX в. — в тот период, когда «Медный всадник», аккумулировавший в себе обширный пласт городского фольклора, уже вошел в резонантное поле петербургской мифологии.

⁵¹ Столянский П. Н. Старый Петербург: У медного Петра. Л., 1924. С. 3—5. Впрочем, в другой работе этого известного историка города легенда приводится в точном соответствии с **В-4** (см.: Столянский П. Н. Петербург: Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. Пг., 1918. С. 221—222).